

Ю.А. Головастова

АЛЬТЕРНАТИВНО-ПЕНИТЕНЦИАРНОЕ ПРАВО КАК ФОРМИРУЮЩАЯСЯ ПОДОТРАСЛЬ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Обсуждается вопрос о возможности выделения в рамках уголовно-исполнительного права отдельной, достаточно независимой нормативной подсистемы, образованной совокупностью правовых норм, регулирующих процесс исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы. Анализируются институты будущей общей и особенной части альтернативно-пенитенциарного права, где подчеркивается существующая институциональная недостаточность норм уголовно-исполнительного права, регулирующих правовой статус осужденных, отбывающих уголовные наказания, не связанные с изоляцией от общества.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное право; подотрасль права; альтернативно-пенитенциарное право; институт права; система уголовно-исполнительного права; исполнение уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Российское уголовно-исполнительное право переживает период изменения и развития, вследствие чего уточняется его предмет, реформируются институты, выявляется платформа для формирования новых подотраслей. Исследуя данную тематику, важно найти ответ на вопрос о том, существует ли в уголовно-исполнительном праве такая подотрасль, как право исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества (альтернативно-пенитенциарное)?

В научных источниках, касающихся уголовно-исполнительного права, проблема формирования альтернативно-пенитенциарного права и определения его места в системе уголовно-исполнительного права четко не сформулирована. Объяснить это можно тем, что нормативная подсистема с неустоявшимся названием «альтернативно-пенитенциарное право» не получила ни достаточного теоретического обоснования, ни надлежащей, законодательной дифференциации и интеграции норм уголовно-исполнительного права, а термин «альтернативно-пенитенциарное право» в научной сфере пока не использовался [1. С. 453–457]. На наш взгляд, сущность и назначение альтернативно-пенитенциарного права могут быть обусловлены толкованием таких понятий, как «уголовные наказания, не связанные с изоляцией от общества», «наказания, альтернативные лишению свободы».

В отношении наказаний, не связанных с лишением свободы, применяются различные понятия, а именно: «наказания, не связанные с изоляцией от общества», «наказания, альтернативные лишению свободы», «альтернативные наказания» [2. С. 4–6]. Как видим, в равной степени используются два термина: так называемая антиизоляция, поскольку довольно широкий перечень уголовных наказаний не предусматривает лишение свободы для осужденного, и «альтернатива», допускающая возможность применения к лицам, совершившим преступление, уголовных наказаний с наименьшим репрессивным началом по сравнению с лишением свободы. Довольно часто определение «альтернативное наказание» используется в tandem с понятием «изоляция» [3. С. 10–15].

В научной литературе присутствуют позиции широкого и узкого понимания рассматриваемых терминов. В частности, Е.В. Хромых трактует понятие «аль-

тернативные лишению свободы уголовные наказания» в широком смысле, так как распространяет его на различные уголовно-правовые формы реагирования государства на преступления [4. С. 5–9]. Сторонники узкого подхода под альтернативными лишению свободы наказаниями понимают как раз всю систему уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества (штраф, исправительные работы, обязательные работы, ограничение свободы, принудительные работы) [5. С. 217–220], оставляя за границами обсуждения иные меры уголовно-правового воздействия. По нашему мнению, узкое понимание рассматриваемого термина логично и оправданно, так как при широкой трактовке исследуемого понятия смешиваются две различные видовые группы общественных отношений: часть из них зарождается при исполнении уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, остальные обусловлены исполнением иных мер уголовно-правового характера. Оценивая с позиции права замену неотбытой части наказания более мягким наказанием, подчеркнем, что при этом происходит трансформация уголовно-исполнительных правоотношений, т.е. изменяются порядок и условия отбывания уголовных наказаний, поэтому в такой ситуации речь идет не об альтернативе.

На наш взгляд, прежде всего этимология понятия «альтернативно-пенитенциарное право» имеет прочную связь с правом исполнения уголовных наказаний, не предусматривающих изоляцию преступника от общества. Учитывая изложенное, можем заключить, что понятие «альтернативно-пенитенциарное право» имеет право на существование, так как указывает на то, что в соответствии с гносеологическим и лингвистическим смыслом термины «право исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества» или «право исполнения альтернативных лишению свободы наказаний» равнозначны термину «альтернативно-пенитенциарное право».

Следует признать, что правовое регулирование рассматриваемых видов наказаний нередко выпадало из фокуса предмета уголовно-исполнительного права. Это объяснимо, поскольку основной акцент ставился на исследовании наказаний, связанных с лишением свободы.

Чтобы выделить какую-либо подотрасль права в качестве самостоятельной, надо принимать во внима-

ние такие наиболее важные критерии, как предмет и метод правового регулирования, цели и задачи указанной подотрасли, специфические принципы, особый субъектный состав, сложная двухуровневая система, структурообразующий фактор.

Для определения понятия «альтернативно-пенитенциарное право» и его места в системе уголовно-исполнительного права, необходимо установить предмет и метод правового регулирования выявленных отношений. Понятие предмета правового регулирования мы не должны смешивать с понятием сферы правового регулирования.

Характеризуя предмет любой подотрасли, необходимо выявить однородные и однопорядковые общественные отношения, регулируемые специфическим методом. Альтернативно-пенитенциарное право как нормативная подсистема обладает своим назначением и содержанием. Главным определяющим критерием дифференциации уголовно-исполнительных отношений выступает форма реализации уголовной ответственности – виды уголовных наказаний, не предусматривающих изоляцию лиц, совершивших преступление. В разделе II Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) «Исполнение наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества» содержатся нормы, регулирующие часть предмета уголовно-исполнительного права и отличающиеся однородностью и однопорядковостью. Они объединены общими целями, задачами, принципами, субъектным составом и общей некарательной направленностью. Точно так же в альтернативно-пенитенциарном праве есть совокупность родственных институтов уголовно-исполнительного права, нормы которого регламентируют процесс исполнения уголовных наказаний, не предусматривающих лишения свободы (гл. 4–9 УИК РФ). Таким образом, речь идет об отдельной стороне общественных отношений, в рамках всей сферы уголовно-исполнительных отношений, связанных с исполнением уголовных наказаний без лишения свободы, что обуславливает их однопорядковость.

Вместе с тем в разделе II УИК РФ «Исполнение наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества» наблюдается некая рассогласованность норм. Например, следует признать, что институт исполнения принудительных работ достаточно неоднороден по отношению к остальным институтам исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, а значит, не вписывается в целостную систему альтернативно-пенитенциарного права. Как нам представляется, содержание данного наказания имеет карательную сущность, так как по своей правовой природе близко к наказаниям, связанным с лишением свободы, что, в свою очередь, свидетельствует о неоднородности альтернативно-пенитенциарной сферы в части регулирования данного наказания. Так, при их исполнении действует режим карательных правоограничений, который по содержанию кары практически совпадает с пенитенциарным режимом при лишении свободы, которое подлежит отбытию в колониях-поселениях. В связи с этим справедливо будет отметить, что расположение института испол-

нения принудительных работ в нормативной подсистеме «альтернативно-пенитенциарное право» нарушает системность, что свидетельствует о непродуманности в позиции законодателя. В результате расположение института исполнения наказания в виде лишения свободы, по нашему мнению, не вписывается в систему уголовно-исполнительного права в рамках подсистемы «Альтернативно-пенитенциарное право», ибо его размещение не совсем соответствует природе норм, регламентирующих данную область права [6. С. 256–258].

Альтернативно-пенитенциарное право не ограничивается регулированием отношений, возникающих в процессе исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, его предмет, как нам представляется, шире. Альтернативно-пенитенциарное право включает нормы уголовно-исполнительного права, регулирующие применение разнообразных средств исправления к лицам, отбывающим наказания, альтернативные лишению свободы.

Несмотря на разноликий набор наказаний, альтернативных лишению свободы, существует общий признак, объединяющий особенности правового регулирования их исполнения, – осужденные не лишаются свободы передвижения и не ограничиваются в социально полезных связях с обществом.

В процессе исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, формируются отношения, которые объединены общими целями возникновения, одинаковой исправительно-воспитательной направленностью и таким особым признаком, как сведение к минимуму уголовной репрессии. Субъекты рассматриваемых отношений довольно однородны: специализированные органы и учреждения наделены функцией контроля за поведением осужденного, а субъекты отбывания указанных видов наказания испытывают правоограничения.

Ввиду того, что альтернативно-пенитенциарное право рассматривается в качестве элемента уголовно-исполнительного права, то его метод во многом схож с методом уголовно-исполнительного права. При определении метода правового регулирования альтернативно-пенитенциарного права следует сказать о преимуществе определенных отраслевых способов правового регулирования. С учетом минимизации репрессивного воздействия на осужденных в альтернативно-пенитенциарном праве используются в большей части такие способы, как исправительный, предупредительно-обеспечительный, восстановительный, правового стимулирования. Кстати, сказанное не означает, что вообще не применяются карательный и санкционный методы, хотя, действительно, они наличествуют в меньшинстве.

Каждый институт исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, должен иметь особенности, заключающиеся в порядке и условиях исполнения альтернативных лишению свободы наказаний. Вместе с тем их должен объединять единый метод регулирования, общие нормы, отсутствующие в уголовно-исполнительном законодательстве: нормы-цели и нормы-задачи, нормы-принципы альтернативно-пенитенциарного права. В общих поло-

жениях для дифференцированных институтов альтернативно-пенитенциарного права в концентрированном виде необходимо предусмотреть специфику исполнения рассматриваемых видов уголовных наказаний, а также применения средств исправления к осужденным. Учитывая то, что в процессе отбывания уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, осужденные подвергаются минимальным репрессиям, то для них можно выделить особый собственный режим правового регулирования. Поясним свою мысль. Дело в том, что осужденные не изолируются от общества, а лишь испытывают ограничения в ряде прав, обусловленных фактом исполнения обвинительного приговора суда, вступившего в законную силу. В зависимости от вида уголовного наказания, не связанного с изоляцией от общества, они поражаются в имущественных, трудовых, должностных правах, ограничиваются в некоторой степени в свободе передвижения.

Особую значимость для любой отрасли права представляет то, что она характеризуется двухуровневой структурой, состоящей из институтов и субинститутов. Профессор В.А. Уткин, рассматривая вопросы правоприменения в области наказаний без лишения свободы, высказывает предложение о создании специальной Общей части УИК РФ для правового регулирования данных наказаний [7. С. 233–234]. Мы полностью солидарны с мнением ученого и полагаем, что в рамках такого регулирования важно выделить и Общую, и Особенную части.

По-видимому, общий институт альтернативно-пенитенциарного права должен содержать собственные специфические нормы-цели, нормы-задачи, подотраслевые принципы. Целесообразно в общезакрепительном институте нормативной подсистемы «альтернативно-пенитенциарное право» предусмотреть нормы уголовно-исполнительного права:

- определяющие категорию осужденных, которые должны отбывать уголовные наказания, не связанные с изоляцией от общества;
- регламентирующие имущественные, трудовые, должностные, личные правоограничения в период отбывания осужденными указанных видов уголовных наказаний;
- характеризующие дисциплинарную ответственность осужденных, и прежде всего изменяющие правовое положение субъектов, злостно уклоняющихся от отбывания наказания;
- регламентирующие применение средств исправления к видовым категориям осужденных.

Каковы же цели исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества? Учитывая то, что уголовно-исполнительное право и альтернативно-пенитенциарное право соотносятся как целое и часть, то для него в общем плане характерны все отраслевые цели. Вместе с тем в результате действия непенитенциарного режима при исполнении рассматриваемых наказаний задаются автономно-ведущие цели альтернативно-пенитенциарного права.

Думается, что общей главной, долгосрочной целью уголовно-исполнительного права надо считать исправление осужденного. Кроме того, при исполнении уголовных наказаний, не предусматривающих

лишения свободы, нельзя в полном объеме отрицать существование цели социальной адаптации осужденного (ресоциализации). В то же время осужденный при отбывании указанных видов наказаний не теряет социально полезные связи, поэтому данная цель не может претендовать на статус основной.

В юридической литературе довольно часто можно встретить научную позицию, согласно которой в какой-то степени говорят о совпадении достижения цели исправления и частного предупреждения [8. С. 103–104]. В рамках альтернативно-пенитенциарных отношений удержание осужденного от совершения повторного преступления обеспечивается посредством применения к нему средств исправления. Нам представляется, что цели исправления и частного предупреждения реализуются за счет одних и тех же средств, вместе с тем предупреждение совершения новых преступлений осужденными – «среднесрочная цель» альтернативно-пенитенциарного права, тогда как исправление осужденного – «долгосрочная» цель.

Вероятно, автономно-ведущей целью альтернативно-пенитенциарного права может быть предупреждение совершения новых преступлений (частная превенция). Цель частного предупреждения как цель альтернативно-пенитенциарного права достигается путем создания условий-правоограничений, затрудняющих совершение новых преступлений осужденным, и осуществления в отношении данного лица необходимого контроля.

Цели альтернативно-пенитенциарного права реализуются через конкретные задачи. В качестве первой задачи нормативной подсистемы «альтернативно-пенитенциарное право» можно обозначить регулирование порядка и условий исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Для этого полагаем оправданным обратиться к понятию «непенитенциарный режим» [9. С. 25–28]. Указанный режим предполагает соблюдение осужденным установленных правил поведения и соответствующих ограничений, отражающих порядок деятельности соответствующих специализированных государственных органов [10. С. 75–81]. По сути дела, речь идет о карательной и превентивной функциях непенитенциарного режима. При реализации карательной функции осужденный, отбывающий альтернативное лишению свободы наказание, претерпевает систему правоограничений, свойственных уголовному наказанию, не связанному с изоляцией от общества. Например, лицо, отбывающее наказание в виде обязательных работ, ограничивается в личной свободе, лишается свободного времени, при исправительных работах – ограничивается в трудовых правах, а именно в возможности получить вознаграждение за выполненную работу. При штрафе он ограничивается в праве на личную собственность, при ограничении свободы карательное свойство рассматриваемого режима состоит в правоограничениях сферы личной свободы. Кстати, специфичность «непенитенциарного режима» прослеживается и при исполнении конфискации имущества, при условии возвращения ей статуса уголовного наказания. В этом случае осужденный-собственник или осужденный – законный владелец

будет ощущать на себе карательную функцию этого режима, претерпевая правоограничения имущественного характера.

Общий институт любой подотрасли составляют ее подотраслевые принципы. Учитывая меньший карательный потенциал уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, полагаем, что объединяющим началом всех норм уголовно-исполнительного права, регулирующих общественные отношения, возникающие при их исполнении в отношении осужденных, является принцип минимального репрессивного воздействия на осужденного. Выделенный нами принцип мы рассматриваем в качестве общего подотраслевого институционального принципа. Юридическими основаниями минимизирования репрессии является выстроенная система, предусматривающая порядок и условия исполнения данных наказаний. Этот принцип можно рассматривать как частный случай принципа экономии принуждения или репрессии [11. С. 24–37], который пока легально в УИК РФ не закреплён [12. С. 83–85], но обладает системообразующим характером для всех общих и дифференцированных институтов альтернативно-пенитенциарного права. В связи с изложенным предлагаем дополнить систему принципов уголовно-исполнительного права принципом минимального репрессивного воздействия на осужденных.

В совершенствовании нуждается общезакрепительный институт уголовно-исполнительной правосубъектности осужденных, который является общим относительно института правового положения осужденных, отбывающих уголовные наказания без лишения свободы. В субъектном составе альтернативно-пенитенциарного права прослеживается своеобразие. На наш взгляд, действуют различные группы норм уголовно-исполнительного права, регулирующих правовое положение субъектов альтернативно-пенитенциарного права, определяющие статус: 1) лиц, осужденных к штрафу; обязательным и исправительным работам, ограничению свободы; ограничению по военной службе; лишению права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью; конфискации; 2) специализированных государственных органов, осуществляющих уголовно-исполнительный контроль за осужденными (уголовно-исполнительные инспекции, судебные приставы); 3) представителей общественности, трудовых коллективов, участвующих в процессе исправительно-воспитательного воздействия на осужденных указанных видовых категорий.

В альтернативно-пенитенциарном праве пока нет института применения средств исправления к осужденным, отбывающим уголовные наказания без изоляции от общества. Общеизвестно, что институт состоит из однородных и однопорядковых норм права по сфере действия. На сегодняшний день существуют разбросанные нормы, регулирующие применение средств исправления к обозначенным категориям осужденных. Это означает, что правовой институт применения средств исправления должен обладать полной системой норм уголовно-исполнительного права, раскрывающих специфику каждого из них:

непенитенциарного режима, воспитательной, социальной, психологической работы с осужденными, общественно полезного труда, получения ими образования, оказания на них общественного воздействия.

Полагаем возможным ввести в систему альтернативно-пенитенциарного права охранительный институт дисциплинарной ответственности осужденных, отбывающих альтернативные лишения свободы наказания. Если проанализировать дифференцированные институты исполнения всех видов уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, то можно обнаружить, что в каждой главе УИК РФ находятся нормы уголовно-исполнительного права, закрепляющие ответственность осужденных за нарушение порядка и условий их отбывания. Мы полагаем, что в этой связи необходимо в Общей части альтернативно-пенитенциарного права предусмотреть ассоциации нормативных предписаний, раскрывающих: 1) понятие дисциплинарной ответственности; 2) понятие злостного нарушителя непенитенциарного режима отбывания уголовных наказаний; 3) закрепление перечня видов нарушений, совершаемых осужденными, отбывающими уголовные наказания без лишения свободы; 4) общий процессуально-процедурный порядок применения взысканий к таким осужденным.

Принимая во внимание изложенное, по нашему мнению, нужно выделить общие нормы уголовно-исполнительного права, регулирующие порядок и условия исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы. Это будет способствовать системно-целостному характеру альтернативно-пенитенциарного права. Любое уголовное наказание, не связанное с изоляцией от общества, имеет не только общие, но и специфические свойства. Общие черты устанавливаются за счет системообразующих признаков – автономно-ведущей цели, задач и принципов правового регулирования альтернативно-пенитенциарного права.

Итак, Общая часть альтернативно-пенитенциарного права может включать: общий институт исполнения рассматриваемых видов наказаний (цели, задачи, принципы альтернативно-пенитенциарного права); общезакрепительные институты (институт правосубъектности осужденных, отбывающих уголовные наказания, не связанные с изоляцией от общества; администрации специализированных государственных органов; иных лиц, участвующих в альтернативно-пенитенциарных правоотношениях; институт возникновения, изменения и прекращения данных правоотношений; институт применения к осужденным, отбывающим рассматриваемые наказания, средств исправления; институт дисциплинарной ответственности указанных осужденных).

В структуре Особенной части альтернативно-пенитенциарного права стоит обратить внимание на следующие предметные и функциональные институты: исполнения штрафа; исполнения обязательных работ; исполнения исправительных работ; исполнения ограничения свободы; исполнения лишения права занимать определенную должность или заниматься определенным видом деятельности; исполнения конфискации имущества; исполнения ограничения по

военной службе; исполнения альтернативных наказаний в отношении несовершеннолетних; исполнения альтернативных наказаний в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства; изменения условий отбывания уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества; социальной помощи осужденным к освобождению от отбывания уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Видимая однородность перечисленных институтов непременно приводит к интеграции правового регулирования. Их архитектор не отличается четкой последовательностью, ведь более верным было бы объединить все институты в одном разделе уголовно-исполнительного права. Считаем, что их появление в уголовно-исполнительном праве свидетельствует об обособлении сферы альтернативно-пенитенциарных отношений, хотя процесс дифференциации продолжается.

Нормы законодательства, регулирующие вопросы исполнения и отбывания уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, не отличаются необходимой полнотой объема. Например, не раскрыта специфика применения средств исправления к осужденным, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы. При этом можно отметить отсутствие систематизации рассматриваемых норм уголовно-исполнительного права, они не сгруппированы по главам, а в отдельных случаях упускаются законодателем. Все это не повышает эффективность правового регулирования в целом, не способствует преодолению неразвитости сферы альтернативно-пенитенциарного права и еще раз показывает наличие пробелов в уголовно-исполнительном законодательстве, слабую научную разработку категории «альтернативно-пенитенциарное право».

Следует признать, что концепция альтернативно-пенитенциарного права пока не нашла окончательного признания в науке уголовно-исполнительного права. В чем причина неизученности нормативной подсистемы «альтернативно-пенитенциарное право»?

Ответ на поставленный вопрос, видимо, кроется в институциональной недостаточности уголовно-исполнительного права.

Внутри уголовно-исполнительного права отчетливо действует особая совокупность правовых норм, предназначенная для регулирования общественных отношений, возникающих при исполнении уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Она характеризуется специальным предметом правового регулирования, особым принципом, специальной автономно-ведущей целью. Подчеркнем: пока нельзя утверждать, что нормативная подсистема «альтернативно-пенитенциарное право» полностью сформирована и процесс ее образования завершен.

Аргументом в пользу самостоятельности выделяемой видовой категории норм служит существование особого предмета правового регулирования, т.е. комплекса обособленных видовых общественных отношений, представляющего собой достаточно важное основание для выделения соответствующих норм в самостоятельный раздел УИК РФ. К обособлению альтернативно-пенитенциарной сферы в самостоятельный видовой подотраслевой предмет уголовно-исполнительных отношений привела произошедшая дифференциация юридического режима регулирования этих отношений с учетом специфики исполняемых наказаний, обусловленных минимальным репрессивным воздействием на осужденных. Пытаться в этих условиях не замечать существующего критерия – режима исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, объединяющего, казалось бы, в значительной степени не совпадающие уголовные наказания, невозможно, ведь это все равно что плыть против течения.

Подводя итог изложенному, отметим, что альтернативно-пенитенциарное право – составная часть системы отрасли уголовно-исполнительного права, которая на сегодняшний день претендует лишь на статус формирующейся подотрасли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головастова Ю.А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источники, система / под науч. ред. В.И. Селиверстова. М., 2019. 560 с.
2. Лядов Э.В., Грушин Ф.В. Наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества: вопросы назначения и исполнения. Рязань, 2020. 174 с.
3. Дворянсков И.В., Сергеева В.В., Баталин Д.Е. Применение альтернативных наказаний в Западной Европе, США и России: сравнительно-правовое исследование. М., 2004. 90 с.
4. Хромых Е.В. Альтернативные лишения свободы уголовные наказания: теория и практика назначения и исполнения : автореф. дис ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. 27 с.
5. Непомнящая Т.В. Альтернативные виды наказаний: проблемы развития и совершенствования // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2012. № 3 (32). С. 217–220.
6. Головастова Ю.А. Альтернативно-наказательное и постпенитенциарное право: миф или реальность // Евразийский юридический журнал. 2018. № 5 (120). С. 256–258.
7. Уткин В.А. К вопросу об Общей части УИК РФ для альтернативных наказаний // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием : в 2 ч. Самара, 2020. С. 233–235.
8. Мицкевич А.Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизм действия. СПб., 2005. 329 с.
9. Ольховик Н.В. О содержании непенитенциарного режима // Человек: преступление и наказание. 2013. № 4 (83). С. 25–28.
10. Ольховик Н.В. Принцип установления непенитенциарного режима и механизма его обеспечения // Сибирский юридический вестник. 2013. № 2 (61). С. 75–81.
11. Степашин В.М. Содержание принципа экономии репрессии // Lex Russica. 2017. № 11 (132). С. 24–37.
12. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. В.И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2017. 328 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 мая 2021 г.

Alternative Penal Law as an Emerging Sub-Branch of Penal Law

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 229–234.

DOI: 10.17223/15617793/470/28

Yulia A. Golovastova, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: UGolovastova@yandex.ru.

Keywords: penal law; sub-branch of law; alternative penal law; institution of law; system of criminal executive law; execution of criminal penalties not related to isolation from society

In the article, the author discusses the possibility of distinguishing within the framework of penal law a relatively separate regulatory subsystem, which is a set of legal norms regulating the execution of criminal penalties against convicted persons that are not related to isolation from society, and separating them into a new self-sufficient sub-branch of penal law. The study aims to understand the processes of differentiation and integration present in penal law, and to assess the prospects for the allocation of a new sub-branch in the matter of penal law – alternative penal law. The objectives of the study are to define the concept of alternative penal law and its place in the system of penal law; to analyze the system-forming factors in penal law; to identify the criteria for distinguishing general, subject-based and functional institutions within the framework of alternative penal law; to formulate proposals for improving the separate normative subsystem “alternative penal law” that affect the structure and content of the Penal Code of the Russian Federation. In the course of the research, general and specific methods of scientific cognition were used: dialectical, formal-logical, functional, system-structural, comparative-legal, as well as the method of legal modeling. The author presents arguments in favor of the separation of the norms of penal law that regulate the part of the subject of penal law. As a structure-forming factor that unites institutions in alternative penal law, the author notes the form of criminal liability implementation – criminal penalties that are not related to isolation from society. The author analyzes the institutions of the future general and special parts of alternative penal law, which emphasize the existing institutional insufficiency of penal law norms regulating the legal status of convicts serving criminal sentences that are not related to isolation from society. To assess the current state of the regulatory subsystem of alternative penal law and its ability to grow to a higher level, the following criteria are used: its own object and method of legal regulation; special subject-based composition of alternative penal relations; the presence of an autonomous leading goal; its own principles; complex intra-structural differentiation represented by homogeneous and single-order institutions of penal law; legislative isolation of the alternative penal sphere. The author formulates the conclusion that today only the rudiments of alternative penal law have been formed as an integral part of the system of the branch of penal law, a part that only claims the status of an emerging sub-branch.

REFERENCES

1. Golovastova, Yu.A. (2019) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo kak otrasl' rossiyskogo prava: predmet, metod, istochniki, sistema* [Penal law as a branch of Russian law: object, method, sources, system]. Moscow: [s.n.].
2. Lyadov, E.V. & Grushin, F.V. (2020) *Nakazaniya, ne svyazannye s izolyatsiyey osuzhdennogo ot obshchestva: voprosy naznacheniya i ispolneniya* [Punishments not related to the isolation of the convicted person from society: issues of appointment and execution]. Ryazan: [s.n.].
3. Dvoryankov, I.V., Sergeeva, V.V. & Batalin, D.E. (2004) *Primenenie al'ternativnykh nakazaniy v Zapadnoy Evrope, SShA i Rossii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [The use of alternative punishments in Western Europe, the United States and Russia: a comparative legal study]. Moscow: [s.n.].
4. Khromykh, E.V. (2005) *Al'ternativnye lisheniya svobody ugovolnye nakazaniya: teoriya i praktika naznacheniya i ispolneniya* [Criminal punishments alternative to imprisonment: theory and practice of appointment and execution]. Abstract of Law Cand. Diss. Rostov-on-Don.
5. Nepomnyashchaya, T.V. (2012) *Al'ternativnye vidy nakazaniy: problemy razvitiya i sovershenstvovaniya* [Alternative types of punishment: problems of development and improvement]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*. 3 (32). pp. 217–220.
6. Golovastova, Yu.A. (2018) Alternative-punitive and post-penitentiary law: myth or reality. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian Law Journal*. 5 (120). pp. 256–258. (In Russian).
7. Utkin, V.A. (2020) [On the general part of the RF Penal Code for alternative punishments]. *Penitentsiarnaya bezopasnost': natsional'nye traditsii i zarubezhnyy opyt* [Penal security: national traditions and foreign experience]. Conference Proceedings. Samara. pp. 233–235.
8. Mitskevich, A.F. (2005) *Ugolovnoe nakazanie: ponyatie, tseli i mekhanizm deystviya* [Criminal punishment: concept, goals and mechanism of action]. St. Petersburg: Aslanov; Yurid. Tsentr Press.
9. Ol'khovik, N.V. (2013) O soderzhanii nepenitentsiarnogo rezhima [On the content of the non-penal regime]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 4 (83). pp. 25–28.
10. Ol'khovik, N.V. (2013) Printsip ustanovleniya nepenitentsiarnogo rezhima i mekhanizma ego obespecheniya [The principle of establishing a non-penal regime and the mechanism for ensuring it]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*. 2 (61). pp. 75–81.
11. Stepashin, V.M. (2017) The Content of the Principle of Economy of Repression. *Lex Russica*. 11 (132). pp. 24–37. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2017.132.11.024-037
12. Seliverstov, V.I. (ed.) (2017) *Obshchaya chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya* [General part of the new Penal Code of the Russian Federation: results and substantiations of theoretical modeling]. Moscow: Yurisprudentsiya.

Received: 17 May 2021